

Ефанова Елена Владимировна

ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЙ ЭКСТРЕМИЗМ В РЕСПУБЛИКАХ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА: ФАКТОРЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И МЕХАНИЗМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ

В статье выявляются факторы распространения этнополитического экстремизма в республиках Северного Кавказа, дается оценка эффективности механизмов противодействия этнополитическому экстремизму в условиях законодательных практик и административно-территориальных инициатив.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/2-3/17.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2011. № 2 (8): в 3-х ч. Ч. III. С. 68-71. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/2-3/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

становление, внимание к явлениям, имеющим нон-финальную процессуальность, максимально приближают его к постнеклассической философии и виртуальным феноменам. В создании временной упорядоченности виртуальной реальности имеют огромное значение образы прошлого. Виртуальные объекты, существуя в настоящем, превосходят его в абсолютной памяти. Однако такой синтез времени содержит недостаточность основания, поэтому виртуальная реальность предстает как нехватка реальности и «недород бытия». Нелинейный подход к пониманию времени определяет «виртуальное» как необходимый элемент реальности, оно предстает как дополнительное измерение, всегда сосуществующее с реальными объектами.

Список литературы

1. Деррида Ж. Диссеминация / пер. с фр. Д. Ю. Кралечкина. Екатеринбург, 2007. 608 с.
2. Деррида Ж. Differance / пер. с фр. Е. Н. Гурко // Тексты деконструкции. Томск, 1999. С. 124-158.
3. Хайдеггер М. Время и бытие [Электронный ресурс]. URL: <http://ihtik.lib.ru> (дата обращения: 22.02.2011).
4. Хоружий С. С. Род или недород?: заметки к онтологии виртуальности // Вопросы философии. М., 1997. № 6. С. 53-68.
5. Atkins G. D. The Sign As a Structure of Difference: Derridean Deconstruction and Some of Its Implication // Semiotic Themes. P., 1981. P. 33-147.
6. Baudrillard J. L'Échange symbolique et la mort. P., 1976. 347p.
7. Baudrillard J. Simulacres et simulation. P., 1981. 236 p.
8. Culler J. On Deconstruction: Theory and Criticism after Structuralism. L., 1983. 307 p.
9. Derrida J. Ousia et grammè // Derrida J. Marges de la philosophie. P., 1972. P. 37-48.
10. Derrida J. Structure, Sign and Play in the Discourse of the Human Sciences // Writing and Difference. L., 1978. P. 280-281.
11. Heidegger M. Sein und Zeit. Frankfurt am M., 1977. 343 S.
12. Leitch V. Deconstructive Criticism: an Advanced Introd. L., 1983. 290 p.

VIRTUAL TIME ONTOLOGICAL ASPECTS

Oksana Igorevna Elkhova, Ph. D. in Philosophy

*Department of Philosophy, Political Science, Sociology and Law
Sterlitamak State Pedagogical Academy named after Zainab Biisheva
elhova@pochta.ru*

The article is devoted to the analysis of virtual reality time. The author considers virtual time as virtual reality existence order and measure applying ontological sources to this phenomenon. In the article it is emphasized that virtual events appear to be deprived of duration and virtual reality is presented as disappearing existence escaping from final formation which earlier could not be described in classical and non-classical philosophy. Virtual reality temporality turns out to be close to world temporality presented in post-modernism philosophy.

Key words and phrases: virtual reality; ontology; virtual reality time; post-modernism philosophy; post-non-classical scientific rationality.

УДК 323.283

В статье выявляются факторы распространения этнополитического экстремизма в республиках Северного Кавказа, дается оценка эффективности механизмов противодействия этнополитическому экстремизму в условиях законодательных практик и административно-территориальных инициатив.

Ключевые слова и фразы: экстремизм; этничность; Северный Кавказ; этнополитический экстремизм; противодействие экстремизму; терроризм.

Елена Владимировна Ефанова, к. полит. н.

*Кафедра международных отношений, регионоведения и политологии
Волгоградский государственный университет
efanova8282@mail.ru*

**ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЙ ЭКСТРЕМИЗМ В РЕСПУБЛИКАХ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА:
ФАКТОРЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И МЕХАНИЗМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ[©]**

Статья подготовлена в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 годы» в рамках мероприятия 1.1. «Проведение научных исследований коллективами научно-образовательных центров в области юридических и политических наук».

На современном этапе развития человеческой цивилизации, несмотря на усиливающиеся процессы глобализации, этнический фактор играет немаловажную роль. В этих условиях тенденция развития этнополитического

экстремизма как реализации интересов различных этнических групп, включая этническое большинство и этнические меньшинства, рассматривается как неоднозначная. Следовательно, становится важным изучение, как специфики процессов этнической политизации, так и содержания и динамики этнополитического экстремизма, оказывающих существенное влияние на состояние и развитие межнациональных отношений. И несмотря на то, что в последние годы эти процессы изменили свою направленность, они все же остаются основными в структуре политического пространства, существенно определяя будущее России как полиэтничного и мультикультурного государства.

Напомним, что этнополитический экстремизм есть сложное явление, складывающееся из политических интересов этнических групп, которые не представляется возможным выразить в рамках легального этнополитического процесса. Именно это приводит к радикализации и экстремизации борьбы за свои политические права. По своей природе этнополитический экстремизм провоцирует нестабильность в обществе, что приводит к ослаблению государственности, порождает сепаратистские настроения, создавая, тем самым благоприятную почву для реализации противоправных и чуждых обществу политических, религиозных, националистических целей и задач конкретных лиц, групп и организаций. Для него характерны насилие или его угроза, одномерность восприятия общественных проблем, фанатизм, неспособность к толерантности. Источником этнополитического экстремизма, как общей идеологии крайней непримиримости к инакомыслящим, во многом является интеллектуальная и нравственная ограниченность личности, а также наличие психологического барьера «свой-чужой».

Проблема этнополитического экстремизма остаётся актуальной для России на протяжении последних двух десятилетий и непосредственно связана с обеспечением национальной безопасности. Противодействие и борьба с этнополитическим экстремизмом возможна лишь при рассмотрении генезиса и факторов его возникновения на Юге России. Исторические факторы возникновения этнополитического экстремизма в республиках Северного Кавказа имеют давние корни, начиная с проблемы присоединения данных территорий к российской империи в XIX веке и вопроса о депортации кавказских народов в 1943 году. «Во исполнение постановления Государственного Комитета Обороны НКВД в феврале-марте 1944 года было переселено на постоянное жительство в Казахскую и Киргизскую ССР - 602 193 человека жителей Северного Кавказа, из них чеченцев и ингушей - 496 460, карачаевцев - 68 327, балкарцев - 37 406», - гласит текст докладной записки Л. Берии И. Сталину за июль 1944 года» [3].

Основой для возникновения территориально-этнических факторов этнополитического экстремизма является уникальное смешение этносов, народностей и наций, проживающих в республиках Северного Кавказа. Колоссальный сплав различных культур, верований, обычаев сформировал ситуацию, в которой этносы постоянно сталкиваются между собой. Антрополог У. М. Умаев утверждает, что на территории Северного Кавказа проживает четыре различные языковые семьи (индоевропейская, алтайская, афроазиатская, кавказская), имеющие в своём составе более 20 этнонациональных групп (армяне, греки, индоарийцы, иранцы, турки, семиты), имеющие в своём составе более 100 народностей. По данным переписи населения 2002 года в республиках Северного Кавказа «проживает 6645,9 тысяч человек, или 35,1% населения Северного Кавказа, 2% населения Южного федерального округа и 4,6% населения России. Республики Северного Кавказа являются самым густонаселённым регионом страны: плотность населения во вместе взятых республиках составляет 59,4 человек на 1 кв. км. (на Северном Кавказе - 53 чел., в ЮФО - 39 чел., в целом по России - 8,4 чел.)» [4]. Кроме того необходимо понимать последствия административной политики СССР, и вслед за ними РФ, в результате которых границы компактного проживания этносов не совпали с территориальными границами, установленными в результате административных реформ.

Системный кризис, охвативший СССР и приведший к разрушению социалистической системы управления и политики, явился одним из главных политических факторов развития этнополитического экстремизма на Северном Кавказе. В. А. Авксентьев характеризует данную детерминанту как статистически выраженную предпосылку, стимулирующую актуализацию и эскалацию этнополитических конфликтов и, по сути, являющуюся коренным изменением среды взаимодействия этнических групп [1]. Важным является и разрушение авторитарной политической системы. Данный процесс выступает закономерным и неизбежным последствием кризиса государственной власти советского периода. Ослабление государственной власти, в первую очередь - центральной, в совокупности с иными причинами и условиями, явилась причиной так называемого «парада суверенитетов» 1990-1991 годов. Таким образом, кризис системы государственной власти, слабость государства как политической организации, а также противоречия в области управления общественными процессами детерминируют проявления ненависти и вражды.

В качестве самостоятельного фактора, оказывающего влияние на эскалацию этнополитического экстремизма, выступает миграция населения на Юге России. С начала 60-х годов XX века стал наблюдаться отток русскоязычного населения из Чечни, Дагестана, Ингушетии и Северной Осетии. Так, в Дагестане доля русских сократилась с 20% в 1959 году до 7,26% в 1995 году и 6% в 2002 году [9]. Параллельно шел процесс реэмиграции населения северокавказских национальностей, живущих в других районах РФ. Тенденция к этнической унификации, при которой республики Северного Кавказа стали более мононациональными, превратилась в одну из характерных черт демографической ситуации в регионе.

Отдельной группой факторов можно выделить идеологические и субъективные факторы, способствующие развитию этнополитического экстремизма. Л. Л. Хоперская отмечает, что Северный Кавказ является

контактной зоной исламской и православной цивилизации. В культурном и политическом отношении он является частью России, а население Северного Кавказа - российскими гражданами. В то же время в результате исторического развития у народов Северного Кавказа преобладающей религией стал ислам. Это создает конфликтный потенциал, который определяется не только политическими, военно-стратегическими, экономическими и другими материальными интересами, но и культурными и конфессиональными различиями» [8]. К субъективным факторам относятся несовершенство законодательства на всех уровнях (начиная от законов, принимаемых на уровне муниципалитетов и заканчивая федеральными законами, которые вступают в противоречие друг с другом); правовая безграмотность и правовой нигилизм, порождённый нежеланием исполнять законы и чувством безответственности и неподсудности.

Исходя из многообразия указанных факторов, способствующих возникновению этнополитического экстремизма на Северном Кавказе, существует настоятельная необходимость противодействия этнополитическому экстремизму, агрессивная природа которого обусловлена возможностью его перехода в крайнюю форму в лице терроризма. Своевременная реализация механизмов противодействия этнополитическому экстремизму являются гарантией сохранения национально-государственной безопасности, а также сужают конфликтное поле в обществе и государстве.

Правовые механизмы предупреждения этнополитического экстремизма в современной России заложены в Федеральном Законе № 114-ФЗ от 25.07.2002 года «О противодействии экстремистской деятельности». В нормативном документе указывается, что основными принципами противодействия экстремистской деятельности являются: приоритет обеспечения безопасности РФ; приоритет мер, направленных на предупреждение экстремистской деятельности; сотрудничество государства с общественными и религиозными объединениями, иными организациями, гражданами в противодействии экстремистской деятельности; неотвратимость наказания за осуществление экстремистской деятельности» [7]. В южных регионах России ранее также были приняты нормативно-правовые акты, регулирующие круг вопросов, относящихся к проявлениям экстремизма: закон № 18-РЗ от 08.12.1998 Республики Ингушетия «О регулировании некоторых вопросов религиозной и миссионерской деятельности в республике Ингушетия», закон № 15 от 22.09.1999 Республики Дагестан «О запрете ваххабитской деятельности и иной экстремистской деятельности на территории Республики Дагестан», закон от 04.05.2000 Карачаево-Черкесской Республики «О противодействии политическому и религиозному экстремизму на территории Карачаево-Черкесской Республики» [2]. Однако общедеральные и региональные законодательные нормы противодействия этнополитическому экстремизму не регламентируют этнический и национальный подтекст, что приводит к необоснованным жертвам и эскалации этнополитического экстремизма в республиках Северного Кавказа. В частности в период с апреля 2009 года по март 2010 года в республиках Северного Кавказа было совершено 408 терактов, где 16 из них было направлено против мирного населения. «Больше всего терактов совершено в Ингушетии - 191, Дагестане - 124 и Чечне - 66. В Кабардино-Балкарии зафиксирован 21 подрыв или обстрел, в Северной Осетии - 4, в Карачаево-Черкесии - 2» [6].

К числу общедеральных практик противодействия экстремизму можно отнести создание указом Президента РФ Д. А. Медведева от 19.01.2010 Северо-Кавказского федерального округа, в который вошли все северокавказские республики. Формирование отдельного округа в таком нестабильном регионе как Северный Кавказ - это попытка обособленно и комплексно решить его проблемы. При этом крайне важным является тот факт, что в новый федеральный округ не вошла республика Адыгея, где больше половины жителей составляет русское население.

Власти северокавказских республик также самостоятельно занимаются вопросами противодействия этнополитическому экстремизму. Так, в республике Адыгея активно реализуются программы, направленные на развитие сферы культуры и искусства, сохранение духовных и нравственных ценностей, воспитание толерантности и патриотизма. Как результат - сохранение на территории республики стабильной и спокойной обстановки. В Кабардино-Балкарской Республике действовала программа «Профилактика терроризма и экстремизма в Кабардино-Балкарской Республике на 2008-2010 годы», нацеленная на обеспечение защиты личности и общества от терроризма и экстремизма; предупреждение, выявление и пресечение террористической и экстремистской деятельности; выявление и устранение причин и условий, способствующих осуществлению террористической и экстремистской деятельности в пределах полномочий Кабардино-Балкарской Республики; формирование и внедрение в социальную практику норм толерантного поведения».

Главной особенностью всех обозначенных выше инициатив является то, что все они закреплены на государственно-правовом уровне. Однако у такого подхода есть свои критики. Как отмечает Э. А. Паин, можно выделить три типа скептических суждений в отношении правового корпуса противодействию этнополитическому экстремизму: «Первый тип - его представителей можно назвать «правовыми нигилистами», отрицающими необходимость использования правовых механизмов противодействия экстремизму на ранних стадиях его развития, то есть до того как он переходит в фазу открытого насилия. Второй тип скептического подхода демонстрируют интеллектуалы, в основном из среды правозащитников, которые полагают, что общий закон о противодействии экстремизму не нужен и даже опасен, поскольку может быть использован властями для расправы с любой оппозицией. При этом они признают саму необходимость правового регулирования экстремизма, которая может быть реализована на основе так называемых «частных запретов». Третий тип критиков представляют социологи и политологи, которые в принципе не возражают против

использования правовых и иных законных механизмов противодействия экстремизму, но сомневаются в действенности этих механизмов в сложившихся социально-культурных и политических условиях. Они полагают, что в России не созрели предпосылки для правового регулирования, поэтому любые законы в этой области окажутся мертворожденными» [5]. То есть, правовое закрепление механизмов по противодействию экстремизму важно, но не существенно, так как пока само общество не выявит в себе болезнь ксенофобии и этнической нетерпимости, а государство не принудит силовой аппарат принуждения действовать только в рамках правового поля, ни один нормативно-правовой акт не будет выполнять свою функцию, а значит, методы противодействия экстремизму будут неэффективными. Единственно действенным механизмом в борьбе с этнополитическим экстремизмом на Северном Кавказе стала бы политика «русификации» северокавказских республик, так как анализ террористической активности, а также динамики изменения этнического состава в республиках Северного Кавказа свидетельствуют о том, что наибольшая экстремистская активность наблюдается в тех республиках, где доля русского населения крайне низка. Данный факт можно зафиксировать в Карачаево-Черкесии, Кабардино-Балкарии и Адыгее, где доля русского населения свыше четверти от общего числа жителей республики. Однако проблема в реализации данного плана во всероссийском масштабе заключается в нежелании русских жить на Кавказе.

Таким образом, развал старой социально-экономической модели, неуправляемая миграция, идеологический вакуум являются ведущими причинами эскалации этнополитического экстремизма. Вместе с тем, государственная и региональная политика в сфере межэтнических отношений должна быть направлена на защиту национальных интересов, обеспечение безопасности, укрепление территориальной целостности и единства многонационального российского государства, как основы сохранения и развития этнических общностей, проживающих в нем. В целях преодоления сложившейся ситуации конфликтогенности на Юге России и совершенствования этнонациональной политики органам власти целесообразно использовать управленческие меры, стратегически обеспечивающие межэтнический диалог, а ведущими принципами стабилизации этнополитического процесса должны выступить: гарантирование социальной справедливости, консолидации наций и этносов; выравнивание уровня социально-экономического и культурного уровня развития субъектов федерации; обеспечение межнационального согласия и толерантности.

Список литературы

1. **Авксентьев В. А.** Этническая конфликтология: в поисках научной парадигмы. Ставрополь.: Изд-во СГУ, 2001. 213 с.
2. **Евдокимова Т. Л.** Формирование законодательных основ противодействия экстремизму // *Власть*. 2009. № 9.
3. **Ингушетия и Чечня готовятся к 65-й годовщине депортации вайнахов. Кавказский узел** [Электронный ресурс]. URL: http://chechnya.kavkaz-uzel.ru/articles/deportation_vainahi (дата обращения: 28.12.2010).
4. **Миграционные процессы в республиках Северного Кавказа. Российский конгресс народов Кавказа** [Электронный ресурс]. URL: http://rcnc.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=75&Itemid=1 (дата обращения: 28.12.2010).
5. **Паин Э. А.** Этнополитический экстремизм в России: социально-культурные истоки и причины неэффективности принимаемых мер противодействия. [Электронный ресурс]. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2006/0231/analit01.php> (дата обращения: 30.11.2010).
6. **Террористическая активность** [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kommersant.ru/doc.aspx?DocsID=1348545> (дата обращения: 30.11.2010).
7. **Федеральный закон Российской Федерации «О внесении изменений в статьи 1 и 15 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» от 27.07.2006** [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rg.ru/2006/07/29/ekstremizm-protivodejstvie-dok.html> (дата обращения: 28.11.2010).
8. **Хоперская Л. Л.** Современные этнополитические процессы на Северном Кавказе. Ростов-на-Дону: СКАГС, 1997. 143 с.
9. **Юсупова Г. И.** Глобализация и этнополитическая безопасность Юга России. М.: Собрание, 2009. 218 с.

ETHNIC-POLITICAL EXTREMISM IN NORTH CAUCASUS REPUBLICS: ORIGIN FACTORS AND COUNTERACTION MECHANISMS

Elena Vladimirovna Efanova, Ph. D. in Political Science

Department of International Relations, Region Studies and Political Science

Volgograd State University

efanova8282@mail.ru

In the article the factors of ethnic-political extremism spreading in North Caucasus republics are revealed, the estimation of counteraction mechanisms efficiency against ethnic-political extremism under the conditions of legislative practices and administrative-territorial initiatives is given.

Key words and phrases: extremism; ethnic origin; North Caucasus; ethnic-political extremism; extremism counteraction; terrorism.